

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 19.

1 ОКТЯБРЯ

1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Куприна. „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манасеина. Разсказы для дѣтей. Съ иллюстраціями художниковъ: *Т. Гиппиусъ, В. Замирайло, А. Линдемана, А. Мурашко, М. Сабашниковой, П. Соловьевой, (Allegro) и Е. Чичаговой.* Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (Allegro). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

Анатолий Франсъ. „Пчелка“. Сказка. Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

М. С. Безобразовой. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Цѣна **25** к.

В. П. Поливанова. „Воронъ“—„Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Новыя изданія журнала „ТРОПИНКА“.

В. Малахова-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бьялевская. „Какель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

„Семилетка“. Народныя сказки въ пересказѣ *П. Соловьевой (Allegro).* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.

Джэнъ Лондонъ. „Бувъ“. (Исторія одной собаки). Переводъ *Н. Манасеиной.* Съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

Allegro. Отверткы въ краскахъ. „Дѣти зимой“. Серия въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.

Н. Манасеиной. „На Рождествѣ“. Три разсказа для дѣтей съ рисунками: *Т. Гиппиусъ, Г. Нарбута и П. Соловьевой.* Цѣна въ переплетѣ **80** к., въ обложкѣ **50** к.

П. Соловьевой (Allegro). „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ, съ рисунками. Цѣна **20** к.

П. Соловьевой. „Первое Апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна **15** к.

На выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка» журналъ «Тропинка» получилъ за свои изданія малую золотую медаль.

Выписывающіе книги и открытки черезъ редакцію, за пересылку не платятъ.

1909 годъ.

Октябрь № 19.

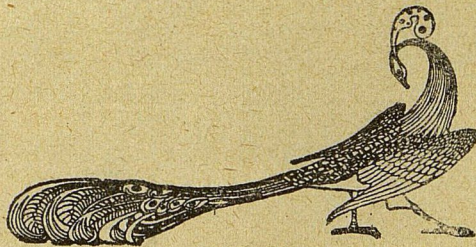

ЖУРНАЛЪ

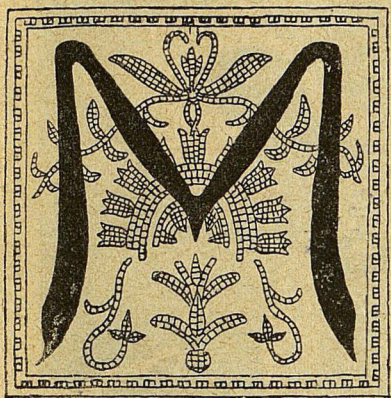
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Письмо изъ города—стихотвореніе *С. Городецкаго*.
2. Въ больницѣ—картина *Жоффруа*.
3. Аннушка—разсказъ *О. Бьялевской*.
4. О. Н. Чюмина—*Н. Манасеиной*.
5. Колыбельная пѣсенка дождя—*Allegro*.
6. Исторія воздухоплаванія—*Л. Егорова*.
7. Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ — *Льюиса Кэрроль*. (Продолженіе).

Письмо изъ города.

АМА милая моя!

Шлю поклонъ тебѣ и сестрамъ,
Я пишу перомъ преострымъ,
Пропись вышла за края!
Я отлично заучилъ,
Что какою мѣрить мѣркой.
Какъ живетъ жеребчикъ Сѣрко?
Сколько яблокъ садъ родиль?

На диктовку я ловкачъ:
Только шесть иль семь ошибокъ.
Много-ль въ нашей лужѣ рыбокъ?
Сталь-ли каркать Гришка-грачъ?
Нашъ учитель лысый весь.
Мы зовемъ его Луною.
Приѣзжай весной за мною,
Заскучаль я очень здѣсь.
Дважды нуль все будетъ нуль—
Арифметика съ хитриной!
Какъ поѣдешь за рябиной,
Не сломай у лодки руль.

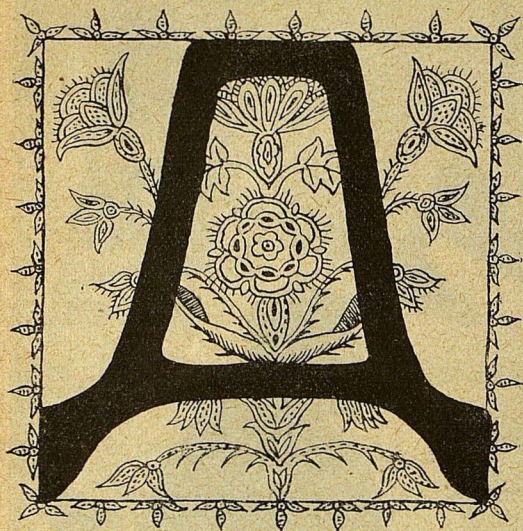
Я совсѣмъ здоровъ и живъ,
И всѣмъ вамъ того желаю.
Тутъ письмо свое кончаю,
Кляксу ловко посадивъ.

Сергѣй Городецкій.

Въ больницѣ. Картина Жоффруа.

Аннушка.

Посвящаю другу моему Елизаветѣ
Васильевнѣ Поповой.

ОКТОРСКИЙ обходъ только что кончился. Сейчас начнутъ пускать посѣтителей. Больная дѣвочка Даша, съ завязаннымъ горломъ и забинтованной головой, глазъ не спускаетъ со стеклянной двери въ глубинѣ барака: ждетъ отца или мать; они при-

ходятъ попеременно, потому что къ дифтеритнымъ пускаютъ по одному человѣку на пять минутъ. Барышня-курсистка, съ бѣлокурыми косами и свѣжимъ, несмотря на болѣзнь, лицомъ, ждетъ жениха; къ старушкѣ, на крайней постели, приходитъ дочка. Только Аннушкѣ некого жлать: родныхъ у нея нѣтъ,—она воспитанница,—знакомыхъ мало, да никто и не знаетъ, что она въ больницѣ. Случилось это все такъ вдругъ: утромъ только слегка нездоровилось, а потомъ, точно палкой перешибло,—горло захватило и совсѣмъ ослабла.

— Скучно какъ лежать!—думаетъ Аннушка.—Хоть бы читать хорошо умѣла. Вонъ барышня все читаетъ; ей и не видно, какъ время идетъ.

— Сестрица, скоро ли меня выпишутъ?

„Сестрица“ не въ духѣ: собиралась въ городъ, Новый Годъ встрѣчать, а ей назначили ночное дежурство.

— Вотъ чудной народъ! Выпишутъ! Три дня, какъ по-
ступила!

Въ тамбурѣ за стеклянной дверью появилась какая-то
фигура.

-- Подождите пускать, успѣютъ! Я еще инструменты не
убрала.

— Ладно, — равнодушно отвѣтила сидѣлка и, повѣсивъ
взятый было бѣлый халатъ, вышла въ кухню, но черезъ ми-
нуту снова появилась на порогѣ.

— Спрашиваютъ Андрееву, а которая тутъ Андреева, я
и не знаю.

Я — Андреева, — удивленно отозвалась Аннушка, — кто
спрашиваетъ-то?

— Барыня какая-то, кто ее знаетъ!

— Господи, да неужто барыня?

Аннушка приподнялась на кровати и стала быстро при-
глаживать растрепанныя пряди жидкихъ волосъ и оправлять
одѣяло.

— Господи, вотъ-то!...

Сестра, какъ нарочно, долго возилась съ ингаляторомъ,
(инструментъ для вдыханія лекарства), перетираала стклянки
и пузырьки. Наконецъ убралась.

--- Пускайте, Агафья!

Аннушка лежала далеко отъ входа и не могла разгля-
дѣть вошедшую барыню, тѣмъ болѣе, что бѣлый халатъ, на-
дѣтый поверхъ шубки, придаетъ всѣмъ странный видъ.
Только, когда посѣтительница подошла къ самой кровати,
Аннушка разглядѣла, что это не ея барыня. Та, въ свою оче-
редь, скользнула взглядомъ по рябому, некрасивому лицу
Аннушки и, обернувшись къ шедшей сзади сидѣлкѣ, сказала:

— Это не моя Андреева.

— Тогда надо справиться въ конторѣ, въ какомъ баракѣ ваша больная; а у насъ больше нѣтъ Андреевой, только вотъ эта.

— А можетъ быть, это все-таки ко мнѣ?—мелькнуло у Аннушки. —Можетъ быть, барыня не пошла сама,—побоялась за дѣтей,—а попросила какую-нибудь свою знакомую навѣстить меня.

— Милая барыня!—лицо Аннушки озарилось робкой надеждой. —Можетъ быть, барыня моя попросила васъ навѣстить меня? Я—Аннушка, господь Жуковскихъ прислуга.

Робкій, жалкій видъ больной дѣвушки, видимо, тронуль пришедшую.

— Нѣтъ, милая, я пришла къ своей бывшей ученицѣ, зовутъ ее Маня.

Барыня постояла немного около Аннушкиной постели, тихо повернулась и пошла къ выходу.

Потомъ все время приходили: барышнинъ женихъ, Дашины мать и отецъ (оба пришли; сперва мать вошла,—отецъ ждалъ въ кухнѣ; потомъ онъ). Нанесли всякой всячины. Потомъ Даша всѣхъ угощала.

Вечеромъ зажгли елку, пришелъ докторъ, фельдшерицы, поздравляли съ Новымъ Годомъ. Подъ утро горло у Аннушки совсѣмъ перестало болѣть,—хоть сейчасъ домой идти.

— Домой... А какой у ней домъ?! Докторъ говоритъ, что, какъ совсѣмъ поправится, придется еще дней шесть пробыть въ больницѣ, потому заразная. Могутъ изъ больницы-то и совсѣмъ не взять, побоятся господа, дѣтей берегутъ. Конечно, избави Богъ, захвораютъ, а только какъ же ей-то быть? Опять искать мѣста? Привыкать къ новымъ порядкамъ? Да еще барыня какая попадется. Тутъ все-таки ужъ привыкла, да и работа не очень тяжелая.

Такими невеселыми думами началось утро Нового Года.

Смѣнилась утомленная „сестра“. Сидѣлки принарядились, барышнинъ женихъ принесъ ей пучекъ цвѣтовъ, бѣлыхъ и алыхъ (дороги, должно быть, — зима вѣдь; и откуда денегъ взялъ? по одежѣ-то видно, небогатый).

За окномъ бѣлѣлъ снѣгъ, и разсѣянный свѣтъ безсолнечнаго зимняго дня лился въ широкія окна барака.

Въ дверяхъ появилась высокая бѣлая фигура.

— Къ кому это еще? — подумала Аннушка. — У всѣхъ уже были.

Бѣлая фигура приближалась къ Аннушкиной постели, и Аннушка узнала вчерашнюю барыню.

— Это я, Аннушка, съ Новымъ Годомъ!

— Барыня, милая.....

— Во-первыхъ, я не барыня, а барышня, если хотите, а зовутъ меня Елизаветой Васильевной. Такъ меня и зовите. Съ Новымъ Годомъ! Вотъ вамъ гостинца немного.

Она положила небольшой свертокъ на постель, придвинула табуретку и сѣла.

— Ну, какъ поправляетесь?

— Слава Богу, барышня, Елизавета Васильевна, — сказала Аннушка, и улыбка, открывшая здоровые бѣлые зубы, скрасила ея рябое лицо.

— Какъ-же это вы, барышня?

— Что?

— Да ко мнѣ-то пришли? Вѣдь я вамъ чужая. Да и какъ-же вы заразы не боитесь?

Ко мнѣ не пристанетъ, — отвѣтила Елизавета Васильевна, энергично тряхнувъ головой, съ коротко остриженными сѣдѣющими волосами. — А если и пристанетъ, я одинокая. А на счетъ того, что вы мнѣ чужая..... Какъ-же чужая? Всѣ люди

родные, только объ этомъ забывается часто. Мнѣ стыдно стало вчера, — прибавила она, помолчавъ немного, — что я сказала: „Это не моя Андреева“. „Не моя“, значить, мнѣ и дѣла до нея нѣтъ?

Ну, Аннушка, поправляйтесь, а я, какъ приду къ Манѣ, найду и къ вамъ; вотъ и будете вы тоже „моя Андреева“.— Ласково улыбаясь и оглядываясь на ходу, она пошла къ двери.

— Это что-же, барыня-то, зачѣмъ къ тебѣ приходила?— заинтересовалась сидѣлка.

Аннушка, какъ умѣла, передала ей свой разговоръ съ Елизаветой Васильевной.

— Ишь-ты! Чудная.

Барышня-курсистка подняла голову отъ книги. Аннушка сдѣлалась предметомъ вниманія.

Послѣ обѣда она подозвала спущенную уже съ постели Дашу и попросила ее обнести всѣхъ больныхъ гостинцами. Ей пріятно было, что и у ней тоже есть чѣмъ подѣлиться. „Какъ и у людей“, думала она съ довольной улыбкой.

Но радости этого дня еще не кончились. Съ вечерней почтой пришло письмо на имя Андреевой.

„Милая Аннушка, какъ ваше здоровье? Поправляйтесь скорѣе. Спросите доктора, черезъ сколько дней вамъ можно вернуться къ намъ. Мы васъ будемъ ждать хоть мѣсяць, а пока у насъ живетъ Настасьина сестра Агаша. Поправляйтесь, милая Аннушка. Дѣти вамъ кланяются, баринъ тоже“.

Аннушка заплакала отъ радости; долго держала открытку въ рукахъ, потомъ спрятала подъ подушку.

— Теперь-то я безъ заботы, — говорила она, нѣсколько успокоившись, своей сосѣдкѣ.— Не думала я, милая....

— Ну, вѣрно, ты заслужила передъ господами,— отвѣтила та.

— Какая-же моя особенная заслуга? Какъ всё, обыкновенно служу.

Она достала письмо и по складамъ разобрала снова каждую строчку.

„Вотъ уже придетъ въ воскресенье Лизавета Васильевна, покажу ей“, думала она, засыпая, и радостное впечатлѣніе отъ полученнаго письма сливалось въ ея сознаниі съ мыслью о Елизаветѣ Васильевнѣ и о сказанныхъ ею словахъ:

— Всѣ люди родные.. И вы будете тоже „моя Андреева...“

О. Бяляевская.

Ольга Николаевна Чюмина.

26 Августа скончалась извѣстная писательница-поэтъ Ольга Николаевна Чюмина.

Ольгу Николаевну по ея произведеніямъ знало очень много людей, потому что по всей Россіи расходились ея стихи въ газетахъ, журналахъ и отдѣльными книжками, но немногіе знали, что за человѣкъ была она, и какой большой работы и какой большой любви была полна ея жизнь.

Рѣдкій человѣкъ такъ работаетъ, какъ работала Ольга Николаевна.

Кромѣ стиховъ она писала статьи для газетъ, переводила въ журналы,

переводила пьесы для театра. Переводчица она была прекрасная, хорошо знала языки и выбирала для переводовъ самыя

О. Н. Чюмина.

лучшія и часто самыя трудныя для передачи вещи иностранныхъ писателей.

Четыре года тому назадъ, когда начинался нашъ журналъ, она, —такой занятой человѣкъ, —отнеслась къ нему съ удивительнымъ вниманіемъ. Журналъ ей нравился и, несмотря на множество своей собственной трудной и спѣшной работы, она находила время писать для „Тропинки“. Въ первый же годъ существованія журнала въ немъ были напечатаны ея стихотворенія: „Въ бурю“, „На сѣнокосѣ“, „Снѣгъ“ и переводъ „Изъ еврейскихъ мелодій“ Байрона. Въ первомъ стихотвореніи, „Въ бурю“, рассказано о бѣдномъ рыбацкѣ, которому „былъ отъ Господа завѣтъ:

— Трудись и бодрствуй въ часъ полночный,
Чтобъ встрѣтить радостно разсвѣтъ.

Но уловъ былъ скуденъ, рыбацкъ усталъ въ напрасной работѣ и заснулъ, какъ вдругъ „въ ночи проснулась буря“

Кружился вихрь, гремѣли громы,
И, сводъ небесный бороздя,
Сверкали молніи изломы
Сквозь сѣтку чистаго дождя.

Въ ужасѣ проснулся рыбацкъ и сталъ молиться:

Помилуй грѣшнаго Господь!
Сорвало парусъ мой и снасти,
Я мчусь къ опаснымъ берегамъ,
Явись ко мнѣ въ часы напасти,
Какъ въ оны дни—ученикамъ.—

Замолкло слово покаянья,
И дрожь прошла по глубинамъ:
Къ нему на встрѣчу шелъ въ сѣяны
Христосъ, ходившій по волнамъ.

Во второмъ стихотвореніи, „На сѣнокосѣ“, описано, какъ во время сѣнокоса нашли въ ямкѣ гнѣздо покинутыхъ птенцовъ.

Четыре сѣренкихъ пичужки,
И клювъ у нихъ полураскрытъ,
И жмутся щенчики другъ къ дружкѣ...
Ужели мать не прилетитъ?

Сегодня, духъ струя медвяный,
Стоги накинаны вездѣ,
Но съ вѣяньемъ зари румяной
Щенцовъ ужъ не было въ гнѣздѣ...

И не одними стихами участвовала въ журналѣ Ольга Николаевна. Она интересовалась каждой его книжкой, прочитывала ее и очень часто подробно разбирала напечатанныя вещи.

Такъ серьезно и внимательно относилась она къ каждому дѣлу, которое ей было по душѣ и въ которомъ она принимала участіе. Равнодушной она быть не умѣла и, если любила, то любила до конца.

Эта способность обнаружилась въ ней, когда она была еще совсѣмъ маленькой.

Она такъ привязалась къ своей нянѣ, что не разставалась съ нею цѣлую жизнь. Даже, когда она вышла замужъ, няня эта, уже совсѣмъ старенькая, такъ и жила у Ольги Николаевны вмѣстѣ со своей кошкой и любимыми курами. Ольга Николаевна никому ее въ обиду не давала и всегда заступалась даже за няниныхъ куръ, которыя перелетали черезъ заборъ и портили сосѣдніе цвѣты и огороды. Няня эта была дѣйствительно такая, что ее стоило беречь. Въ раннемъ дѣтствѣ Ольга Николаевна была очень болѣзненнымъ ребенкомъ, долго не ходила, потому что у нея болѣла нога, и няня иногда цѣлыми ночами, баюкая, носила дѣвочку по комнатамъ.

Такъ онѣ и сдружились и не разставались до самой няниной смерти. А потомъ, когда няня умерла, Ольга Нико-

лаевна долго не могла утѣшиться и все тосковала по ней. Въ одной изъ ея книжекъ есть стихи, посвященные памяти любимой няни.

И всю-то жизнь Ольга Николаевна что-нибудь особенно любила, чѣмъ-нибудь особенно увлекалась, но всегда и больше всего любила она правду. О ней она писала, говорила, спорила, ею волновалась и мучилась. Очень любила Ольга Николаевна природу, любила всѣхъ животныхъ, но больше всего кошекъ. И кошка ея—совсѣмъ особенная кошка. Зовутъ ее Графиней. Графиня такъ любила свою хозяйку, что старалась быть постоянно вмѣстѣ съ ней. Когда хозяйка писала, Графиня сидѣла на ея письменномъ столѣ. Сидѣла смирно, не мѣшала. Только оставлять ее безъ надзора передъ исписаннымъ листомъ было опасно. Какъ-то Ольга Николаевна писала статью для журнала и вдругъ ее зачѣмъ-то вызвали изъ комнаты. Когда она вернулась, на бумагѣ оказалось одно синеватое пятно. А Графиня сидитъ на столѣ—умывается. Оказалось, что она слизала все написанное и, конечно, послѣ такого горячаго участія въ литературной работѣ хозяйки, она должна была особенно старательно заняться своимъ туалетомъ. О Графинѣ рассказы-вали много смѣшного и трогательнаго. Всѣхъ своихъ котятъ, какъ только они появлялись на свѣтъ, она сейчасъ-же перетаскивала поближе къ хозяйкѣ, чаще всего къ ней на постель. Съ котятами жизнь Графини дѣлалась тревожной. Она разрывалась между дѣтьми и хозяйкой.

Когда Ольга Николаевна уходила изъ дома, приходилось запирать Графиню, иначе она бѣжала за ней, какъ собака. Какъ-то разъ не досмотрѣли, оставили открытымъ окно, въ то время, когда Ольга Николаевна уже шла по двору. Тогда Графиня, не долго думая, подхватила въ зубы послѣдняго, еще не отданнаго котенка и выпрыгнула съ нимъ въ окно.

Котенокъ нѣсколько разъ выскальзывалъ у нея изъ зубовъ, она на бѣгу подхватывала его и мчалась за хозяйкой. Весной Графиня переселялась вмѣстѣ съ хозяевами въ деревню и для этихъ переѣздовъ у нея существовала особая корзина. Когда Ольга Николаевна слегла, Графиня не отходила отъ нея, слышавъ стонъ, бросалась къ ней на грудь, клала сърыя лапки на плечи хозяйки и, заглядывая ей въ лицо зелеными глазами, точно спрашивала, что съ ней. Съ такимъ же вопросомъ въ большихъ изумрудныхъ глазахъ подходитъ она и теперь къ друзьямъ, навѣщающимъ ея осиротѣлаго хозяина. Подойдетъ, подниметъ голову, взглянетъ, тихо мяукнетъ и забѣдется въ кухню. Въ комнаты она теперь рѣдко приходитъ. Не хочетъ.

Не разставаясь съ Ольгой Николаевной, Графиня всегда присутствовала на ея „Средахъ“.

Среди рабочей недѣли у Ольги Николаевны былъ одинъ день, который она цѣликомъ отдавала своимъ друзьямъ.

Въ „Среду“ она съ мужемъ всегда ждали гостей къ обѣду.

Они оба были очень гостепріимны, и въ ихъ уютной квартирѣ собиралось много народу. Бывали все больше писатели, и обѣды съ этими занятыми людьми выходили совсѣмъ особенные. Звали къ 6-ти, а приходили кто когда успѣвалъ. Иногда ужъ и пирожное кончали, когда являлся новый гость и начиналось все сначала. И такой гость не былъ рѣдкостью. Такихъ опоздавшихъ было всегда много. Ихъ усаживали, угощали, и все это подъ гулъ разговоровъ о самыхъ разнообразныхъ вещахъ. О чемъ только ни говорили на этихъ „Средахъ“.

Говорили о журналахъ, газетахъ, говорили о выставкахъ, о новыхъ книгахъ, говорили о томъ, что случается важнаго, и, наряду съ серьезными разговорами, сколько было всякихъ

шутокъ и смѣха. А Графиня обыкновенно сидѣла на полу возлѣ стула своей хозяйки. Сидѣла такъ же тихо и смиренно, какъ привыкла сидѣть во время работы на ея письменномъ столѣ.

Изъ всѣхъ временъ года Ольга Николаевна больше всего любила осень. И много стиховъ написала она объ этомъ времени, когда

Засыпаетъ неслышно природа,
Какъ царевна прекрасная сказки.

Она любила суровые утренники, любила гроздья краснѣющей рябины, любила яркія звѣзды на похолодѣвшемъ небѣ, любила даже, похожіи на частыя слезы, осенній дождь. И цвѣты осенніе любила больше другихъ цвѣтовъ. И сама умерла осенью. Ея могила вся въ осеннихъ цвѣтахъ— астрахъ, и по утрамъ долго стоятъ ихъ лиловыя головки, склоненныя подъ тяжестью холодной осенней росы.

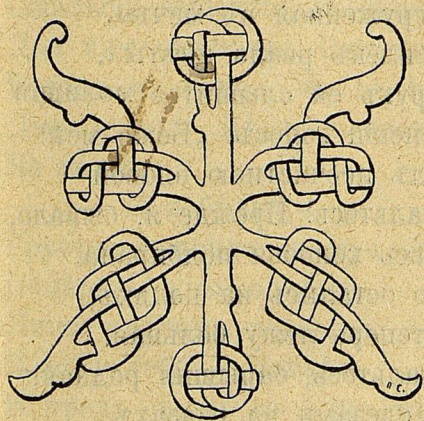
Но въ осенней печали нѣтъ безнадежности: осень знаетъ, что за бѣлымъ зимнимъ сномъ придетъ весна, какъ знаемъ мы, что за смертью придетъ воскресенье. И на осенней могилѣ Ольги Николаевны вспоминаются ея стихи, „Снѣгъ“, гдѣ она, рассказавъ про зимній бѣлый сонъ природы, кончаетъ такъ:

Но вѣтровъ теплыхъ дуновенье
Весною раннею пахнетъ—
И все стяхнетъ оцѣпѣненье,
И сбросятъ вѣтви тяжкій гнетъ.
На волю вновь съ восходомъ алымъ
Прольются смѣло ручейки,
И близъ корней, подъ снѣгомъ талымъ,
Проглянутъ свѣжіе ростки.
Весеннія промчатся воды,
Ручьевъ гремячихъ плескъ и звонъ
Разсѣютъ смертный сонъ природы
Нашъ зимній сонъ.

Н. Манаскина.

Василёкъ.

Сказка для дѣтей изъ сборника стиховъ
О. Н. Чюминой.

ИЛЪ на свѣтѣ князь богатый,
Но скупой—не тароватый,
Накопившій денегъ тьму.
Въ златоверхомъ терему,
Красотою расцвѣтая,
Дочь его жила родная,
Добродушна и скромна—
Василькомъ звалась она.

Но жилося ей, бѣдняжкѣ,
Сиротливо, словно пташкѣ,
Въ клѣткѣ тѣсной. Князь-отецъ,
Бросивъ сумрачный дворецъ,
На охотѣ за звѣрями
Пропадаетъ съ егерями,
И несется изъ лѣсовъ
Гуль охотничьихъ роговъ.
Или занять онъ дѣлами,
Иль воюетъ онъ съ врагами,
А княжна сидитъ одна,
Пригорюнясь, у окна.
Все въ странѣ ее любили
И жалѣли, и хвалили;
Съ сердцемъ, полнымъ доброты,

Вида горькой нищеты
Василёкъ не выносила,
Ей всего обиднѣй было,
Что она—скупого дочь—
Не могла ничѣмъ помочь
Неимущимъ и увѣчнымъ.
Съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Видя горе бѣдняковъ—
Сиротъ, вдовъ и стариковъ—
Василёкъ терпѣла муки;
Князь, накапливать спѣша
Груды денегъ, ни гроша
Не давалъ бѣдняжкѣ въ руки,
И она въ тиши ночной
Горько плакала порой.

II.

Какъ-то утромъ въ день
воскресный
Отъ обѣдни шла княжна,
Молчалива и блѣдна.
Бѣдняки толпою тѣсной
Собралися у дверей
Ожидать ее. Скорѣй,
Встрѣчи съ ними избѣгая,
Вышла дѣвушка. Другая,
Оказалось, дверь была,
Что прямехонько вела
Къ полю зрѣющей пшеницы.
Шла печально Василѣкъ,
Направляясь въ лѣсокъ.
Вдругъ старуха—вся сѣдая,
Изможденная, худая,
Въ бѣдномъ платьѣ и платкѣ,
Но съ жезломъ въ одной рукѣ—
Подошла къ ней и сказала:
„Воротись. Всему, что ты
Дашь отъ сердца полноты—
Какъ ничтожно и какъ мало
Не казалось бы оно—
Превратится суждено
Въ цѣнный даръ. Ну, Богъ съ
тобою!“

И старуха за лѣсною
Чащей скрылася изъ глазъ.
Василѣкъ, понявъ тотчасъ,
Что волшебница являлась

Передъ ней—не испугалась
И рѣшилася итти
Вновь ко храму. По пути,
Проходя зеленой чащей,
Погруженная въ мечты,
Василѣкъ рвала цвѣты..
Вдругъ ей слышится молящій
Женскій голосъ: „Боже мой!
Надъ несчастною вдовой
Сжальтесь! Прежде я, бывало,
Здѣсь колосья подбирала,
Что остались на поляхъ,
А теперь лежу больная.
Сжальтесь, барышня родная!“
Со слезами на глазахъ
Подала княжна несмѣло
Ей цвѣты. „Со мною нѣтъ
Ни копейки, но букетъ
Мой возьмите.“ Посмотрѣла
Съ изумленіемъ вдова,
Но коснулася едва
До букета розъ душистыхъ—
Какъ увидѣла, дивясь,
Что исчезъ онъ, превратясь
Въ снопъ колосьевъ золоти-
стыхъ.

III.

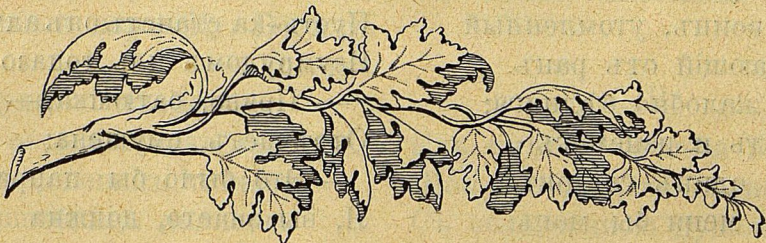
Изъ цвѣтовъ сплетя вѣнокъ,
Шла все дальше Василѣкъ
Съ облегченною душою.

Помогать однимъ несчастнымъ.—
„Что за глупыя слова!
Дай скорѣ!“ но едва
(Ну, не правда ли, какъ
странно?)

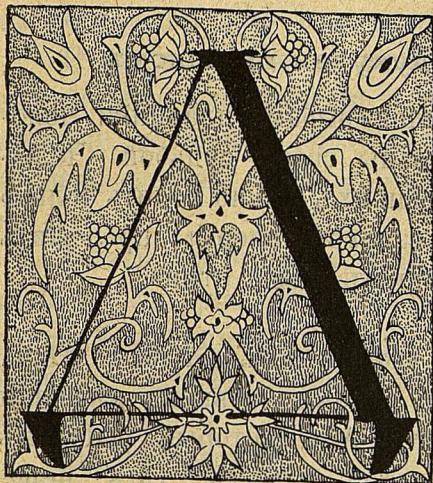
Старый князь до черепка
Прикоснулся—въ паука
Превратился тотъ неожиданно
Ядовитаго, и князь,
Перепуганный ужасно,
Сбросить гадину напрасно
Хочетъ самъ. Княжна сейчасъ
Подошла безъ опасенья
И свершила превращенье:
Въ тотъ же мигъ паукъ
пропаль—

Черепкомъ, какъ прежде, сталъ!
Князь вознесъ благодаренье
Небесамъ, и съ этихъ поръ
Смѣло шли къ нему на дворъ
Неимущіе толпою:
Всѣхъ отцовскою казною
Одѣляла Василѣкъ.
Миноваль еще годокъ,

И прошла молва по царству,
По всему по государству,
Что красавица княжна
И привѣтна и скромна,
И добра, какъ ангель Божій,
И что нѣтъ ея пригожѣй!
Царь объ этомъ услыхаль
И гонцовъ туда послалъ.
Къ князю старому въ палаты
Отъ царя явились сваты,—
Даль согласье князь—отець,
А затѣмъ—и подъ вѣнецъ!
Свадьбу справили такую,
Что и „въ сказкѣ не сказать,
И перомъ не описать“,—
И царицу молодую
Царь повезъ къ себѣ домой,
Въ златоглавый теремъ свой.
Царь съ царицей долго жили
И добро одно творили.
Часто въ зимній вечерокъ
И теперь, среди бесѣды,
Вспоминають наши дѣды
О царицѣ Василѣкъ!

Колыбельная пѣсенка дожда.

ОЖДЬ осенній зашепталъ
И твердить одно:
— Бѣдный лѣсъ, ты такъ
усталъ,
О покоѣ ты мечталъ,
Ты мечталъ давно.

Не струится сокъ къ листьямъ,
Имъ зимой не жить.
Волю дамъ своимъ слезамъ
И корнямъ твоимъ я дамъ
Передъ смертью пить.

Спи. Тебя водой небесъ

Я пою, пою.

Сладко спи, родной мой лѣсъ,

И весенникъ жди чудесъ.

Баю-бай, баю!

Allegro.

Исторія воздухоплаванія.

I.

Какъ летали по воздуху въ прошломъ.

ПРИРОДА дала птицамъ крылья, рыбамъ плавники, человеку ноги, но не всѣ довольны своей судьбой. Человеку мало своихъ ногъ. При помощи ихъ можно ходить только по землѣ. Ему хочется взвиться, взлетѣть вверхъ, проложить дорогу въ воздухъ и быть свободнымъ, какъ птица.

Но какъ это сдѣлать?

Эта мысль манитъ человека уже нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Въ самой древней сказкѣ, въ самомъ древнемъ сказаніи рассказываютъ о какомъ-то чародѣѣ Абу, который облетѣлъ кругомъ свѣта верхомъ на золотой стрѣлѣ. Онъ перелеталъ черезъ моря, лѣса, горы и рѣки, и не было ему препятствій. Онъ осмотрѣлъ весь свѣтъ. Потомъ стрѣлу эту закопалъ подъ горой.

Въ другомъ сказаніи Дедалъ и сынъ его Икаръ спаслись изъ заключенія на крыльяхъ. Ихъ сдѣлалъ Дедалъ изъ перьевъ, слѣпленныхъ воскомъ. Икаръ слишкомъ высоко залетѣлъ въ небо и слишкомъ близко подлетѣлъ къ солнцу. Воскъ оттаялъ, искусственныя крылья рассыпались, и Икаръ погибъ въ морѣ.

Въ нашихъ русскихъ сказкахъ тоже летаютъ на „Коврахъ-самолетахъ“, на „Летучихъ корабляхъ“.

А Иванъ залеталъ на „Конькѣ-Горбункѣ“ въ Солнцево селенье, въ теремъ къ Солнцу, поклониться отъ Царь-дѣвицы. „Конекъ“ летѣлъ, какъ вѣтеръ и въ вечеръ „версть сто тысячъ отмахалъ и нигдѣ не отдыхалъ“.

Эти сказки и сказанія показываютъ, что человѣку очень хочется выполнить чудесную мечту. Хочется летать по воздушному океану, хочется видѣть больше, чѣмъ видишь съ земли, хочется двигаться скорѣе, чѣмъ по землѣ, а именно— въ вечеръ по „сто тысячъ верстъ“.

И люди, въ своихъ мечтахъ, не сидѣли, сложа руки, а во всѣ времена изобрѣтали то крылья-машины, то корабли воздушные, то шары легкіе и поднимались въ воздухъ. Поднимались, падали, ломали бока, разбивались въ дребезги, но это не пугало.

Опять изобрѣтали, опять подымались. Когда пришлось писать „Исторію воздухоплаванія“, то хотѣли замѣнить это заглавіе другимъ: „Исторія сломанныхъ реберъ“, потому что гораздо больше было несчастій, чѣмъ удачи. Но все это не утрашало.

Опять пытались летать. И теперь мы видимъ своими глазами,—люди побѣдили воздухъ, и летаютъ. Правда, бываютъ и теперь бѣды, крушенія, аваріи, но ихъ меньше, чѣмъ удачныхъ полетовъ.

Если поглядѣть на изобрѣтенія людей въ прошломъ, то вы увидите, какъ они давно угадывали и приближались къ тому, что удивляетъ насъ сейчасъ.

Вотъ, за 400 лѣтъ до Рождества Христова, нѣкто Архитасъ Тарентскій изобрѣлъ „воздушную машину“. Онъ часто игралъ на улицѣ съ ребятами и, чтобы отвлечь ихъ отъ опасныхъ игръ, изобрѣлъ имъ воздушнаго змѣя, или дракона. Потомъ сдѣлалъ искусственнаго деревяннаго голубя, внутри котораго былъ разряженный (легкій) воздухъ. При помощи разныхъ приспособленій онъ поднимался, опускался, парилъ въ воздухѣ въ разныхъ направленіяхъ. Но это изобрѣтеніе такъ и осталось только игрушкой.

Послѣдніе 300 лѣтъ люди добиваются полетовъ не ради забавы, а серьезно.

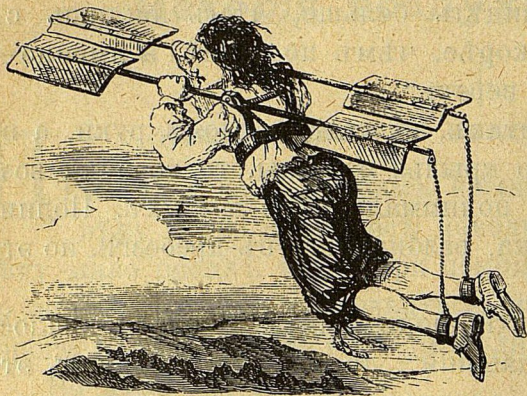

Рис. 1.

Брались за это дѣло не только ученые, но и простые догадливые люди.

Вотъ одинъ французскій слесарь изобрѣлъ (въ 1678 г.) крылья. Они состояли изъ двухъ палокъ; на ихъ концахъ по два крыла, похожія на ставни, покрытыя тафтой (шелковой матеріей) (рис. 1).

Во время полета изобрѣтатель надѣвалъ эти палки себѣ на плечи; руками и ногами приводилъ въ движеніе весь аппаратъ такъ: правая

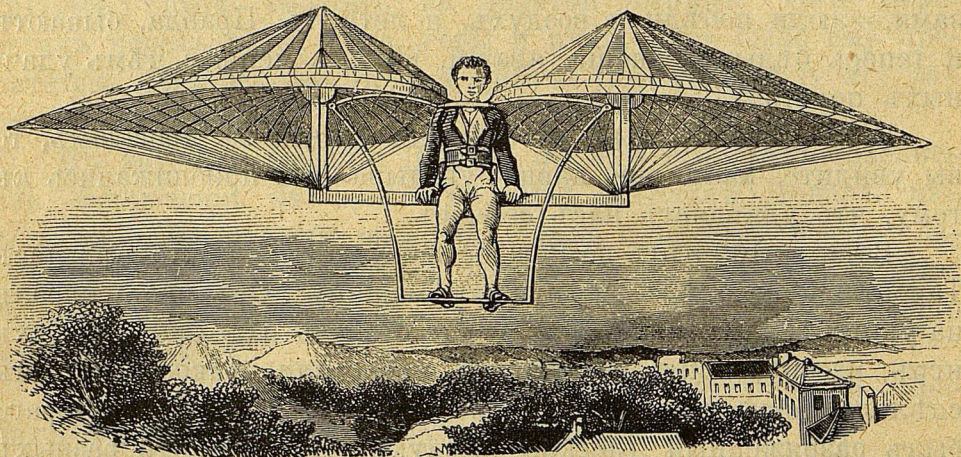

Рис. 2.

рука и лѣвая нога опускали эти крылья, а другія подымали. А потомъ обратно,—лѣвая рука и правая нога опускали. Эти

движенія напоминали плаваніе. Онъ, при помощи этихъ крыльевъ, съ высокой башни перелетѣлъ черезъ большую рѣку. Но взлетать съ земли и летать, сколько угодно, онъ не могъ.

Въ концѣ 16-го вѣка одинъ смѣльчакъ леталъ тоже на механическихъ крыльяхъ, (рис. 2) сдѣланныхъ изъ желѣза и полотна, но, послѣ нѣсколькихъ полетовъ, желѣзо у лѣваго крыла сломалось, онъ полетѣлъ внизъ. Отдѣлался легко: только сломалъ ногу.

Но самыми замѣчательными первыми изобрѣтателями были братья Монгольфьеры. Они первые додумались наполнить громадный шаръ, теплымъ воздухомъ. Первый удачный шаръ былъ пущенъ при Людовикѣ XVI, королѣ французскомъ. Въ высоту онъ имѣлъ 60 футовъ, въ ширину 48 футовъ (рис. 3). По голубому фону его были разрисованы золотомъ лиліи, 12 знаковъ созвѣздій (Зодіака), посреди гербъ короля, а внизу, подъ гирляндами, орлы съ распростертыми крыльями,—какъ бы желая поддержать ими этотъ шаръ. Внизу галерея изъ легкаго камыша, обтянутая холстомъ, для воздухоплавателей. Подъ галлереей жаровня, на ней горѣла солома и доставляла теплый воздухъ. На галлерей запасъ соломы. Шаръ, привязанный на веревкѣ, поднялся съ людьми на высоту 300 футовъ. Всѣхъ поразило это открытіе, всѣ заговорили о шарѣ. Началась горячка.

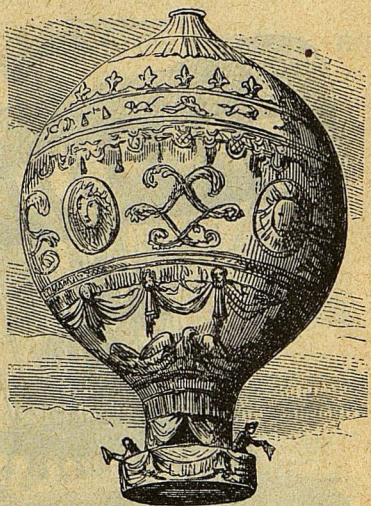

Рис. 3.

Со всѣхъ сторонъ съѣзжались люди смотреть чудо на

яву. Въ дни подъемовъ всѣ улицы биткомъ набивались людьми и всякое движаніе прекращалось.

Особенно поразилъ всѣхъ свободный полетъ Пилатра де-Розье вмѣстѣ съ маркизомъ д'Арланда. Они поднялись на 3000 футовъ, совершили длинное путешествіе надъ Парижемъ и спустились за городомъ. Народъ отъ восторга неистовствовалъ и кричалъ:

— Вотъ побѣда надъ воздухомъ!

Въ 1700 году поднялся на своемъ громадномъ и великолѣпномъ шарѣ Тестю-Бриси верхомъ на лошади (рис. 4). Она стояла въ лодкѣ шара совершенно свободная, безъ всякой привязи.

При подъемѣ оказалось, что у лошади хлынула кровь изъ ушей и носа на такой высотѣ, когда человекъ не чувствовалъ никакой пере-мѣны въ измѣненіи воздуха. Подобные полеты предприни-

мали и другіе воздухоплаватели нѣсколько разъ, и съ лошадью повторялось то же самое.

Сначала шары дѣлали изъ бумаги, полотна и вошеной тафты, но когда научились расплющивать металлы въ тонкіе листы, то попробовали сдѣлать мѣдный шаръ. Его дѣлали болѣе 10 лѣтъ (1834 г.—1845 г.), но поднять его въ воздухъ не удалось. Одного легкаго газа было мало, а другихъ способовъ еще не знали. Изобрѣтатель, не смотря на неудачу,

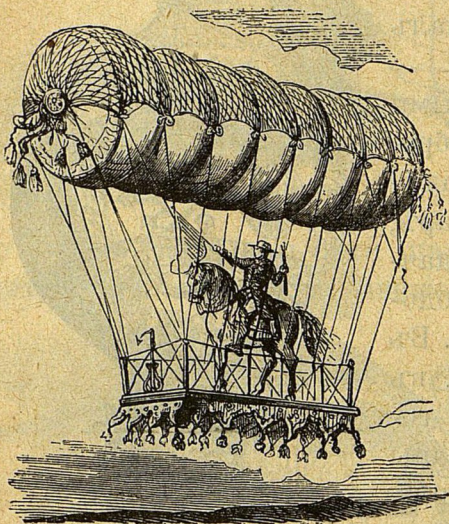

Рис. 4.

продолжалъ увѣрять, что воздушные шары должны быть только металлическими.

Попробовали устроить шаръ съ парусной лодкой, съ винтомъ и рулемъ, чтобы поплыть по воздуху, какъ по водѣ. (рис. 5). Шаръ поднялъ вверхъ весь этотъ воздушный корабль, но поворачиваться съ нимъ было очень трудно. Первый порывъ вѣтра перевернулъ его и бросилъ внизъ на землю. Корабль и шаръ погибли.

Всѣмъ стало ясно, что подняться вверхъ не хитрость, но двигаться взадъ-впередъ и не бояться вѣтра, это еще большая задача.

Надъ этой задачей ученые продолжали работать упорно и усиленно. И вотъ пронеслась радостная вѣсть.

— Послѣ многихъ ночей, проведенныхъ безъ сна, послѣ многихъ опытовъ задача разрѣшена. Устроены воздушный корабль, который ждетъ только дуновенья вѣтерка, только приказа своего хозяина, чтобы отправиться въ невѣдомыя пространства, въ неизвѣданныя страны и мѣста, до которыхъ ни одинъ орелъ не прикасался еще своими крыльями.

Этою простою машиной можно подчинить себѣ воздушную имперію, воздушное царство.

Нѣтъ больше препятствій, подводныхъ камней; по воздушной дорогѣ въ любое мѣсто!

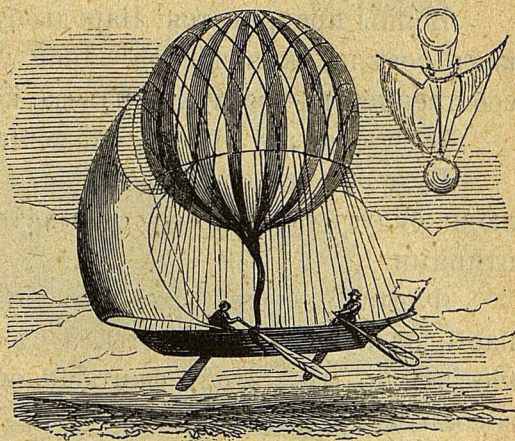

Рис. 5.

Можно будетъ въ нѣсколько часовъ обозрѣть міръ, увидѣть новыя богатства.

Человѣчество овладѣетъ земнымъ шаромъ!

Какое громадное удовольствіе путешествовать безъ толчковъ, безъ утомленія; плыть по чистому эфиру, встрѣчать день надъ облаками и туманами, пролетать съ материка на материкъ, съ полюса на полюсъ!

Все на землѣ измѣнится: когда начнутъ летать воздушные шары, не нужны будутъ границы у государствъ, никто не спроситъ паспортовъ, не нужно будетъ платить пошлинъ.

Войны прекратятся. Народы будутъ навѣщать другъ друга, какъ сосѣди, живущіе на одной улицѣ. У нихъ будетъ общая собственность, —воздухъ, изъ-за котораго невозможны ссоры.

И вся жизнь будетъ сказочна и фантастична.

Будутъ устроены дома на воздушныхъ шарахъ, куда люди будутъ удаляться отдыхать отъ земли и пожить съ птицами.

Фантазія людей заходила такъ далеко, что мечтали попасть на луну, на планеты, а съ высоты наблюдать вращеніе земли. Въ этой фантазіи они, повидимому, забывали о законахъ природы.

Кто же и какъ разрѣшилъ задачу?

Нѣкто Петенъ, въ 1850 году устроилъ громадный воздушный корабль, висящій въ воздухѣ на четырехъ шарахъ. Онъ имѣлъ въ длину 210 футовъ и въ ширину 30 футовъ (рис. 6).

Большіе размѣры и вѣсъ этого корабля оберегали его отъ порывовъ вѣтра.

Палуба этого воздушнаго корабля состояла изъ отдѣльныхъ подвижныхъ перегородокъ. Если онѣ повернуты такъ, что закрываютъ весь полъ палубы, то шару трудно быстро взлетать или быстро опускаться, такъ какъ воздухъ будетъ задер-

живаться этими перегородками. А это очень удобно для корабля: при паденіи, онъ не разобьется, при подъемѣ—не улетитъ быстро въ небо. Если перегородки повернуть бокомъ, то весь корабль полетитъ не прямо вверхъ, а по наклонной линіи.

Такимъ образомъ можно будетъ управлять движеніемъ.

Вотъ, приблизительно, то изобрѣтеніе, которое помutilo всѣ умы и вызвало такія несбыточныя фантазіи.

Этотъ корабль совершалъ удачныя полеты до первой бури. Она налетѣла на него и потушила на время мечты людей попасть на луну.

Л. Егоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

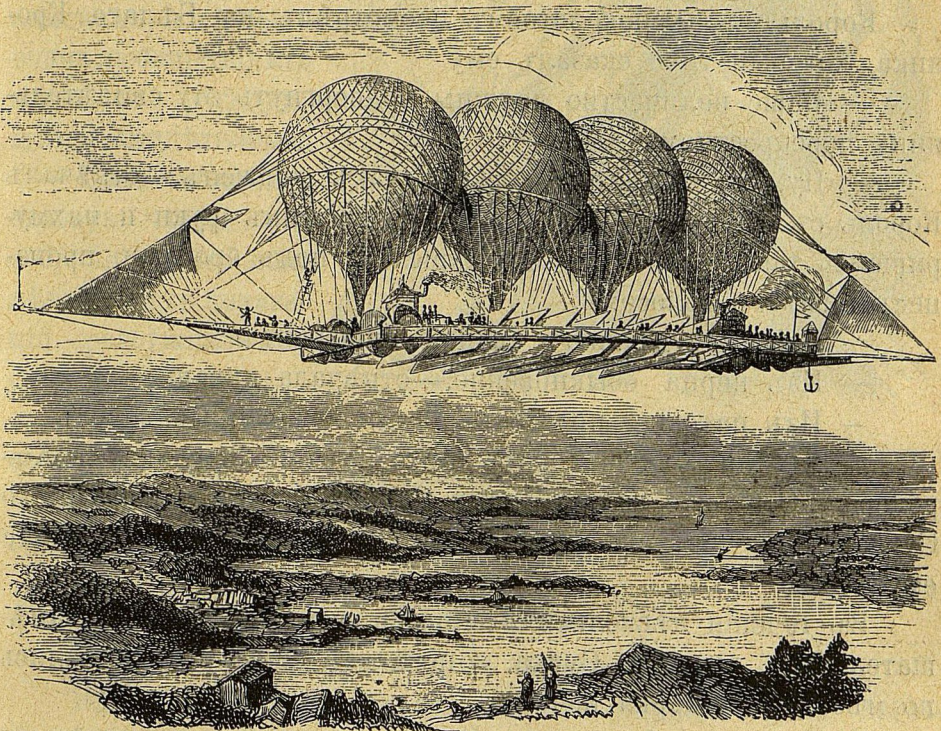

Рис. 6.

Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ.

(Продолженіе).

СЛѢДУЮЩИМЪ свидѣтелемъ была кухарка Герцогини. Она держала въ рукахъ перечницу, и Алиса еще прежде, чѣмъ она успѣла войти въ судъ, догадалась, что это именно кухарка Герцогини, потому что всѣ, стоявшіе у дверей, вдругъ расчихались.

— Дай свое показаніе,—сказалъ Король.

— И не подумаю,—отвѣчала кухарка.

Король съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Бѣлаго Кролика, который тихо сказалъ ему:

— Ваше величество должны подвергнуть эту свидѣтельную перекрестному допросу.

— Ну, что жъ, если долженъ, такъ долженъ,—отвѣчалъ Король съ удрученнымъ видомъ и, сложивъ руки и нахмурившись такъ, что глаза его скрылись подъ бровями, произнесъ низкимъ голосомъ:

— Изъ чего дѣлаютъ сладкіе пирожки?

— Изъ перца обыкновенно,—отвѣчала кухарка.

— Изъ патоки,—произнесъ сзади нея сонный голосъ.

— Хватайте за шиворотъ этого Сурка!—выкрикнула Королева.—Отрубите голову этому Сурку! Выгоните вонъ этого Сурка! Приведите его къ порядку! Ущипните его! Отрубите ему... усы!

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ весь судъ былъ въ замѣшательствѣ, выгоняя Сурка, а пока всѣ снова разсаживались по мѣстамъ, кухарка исчезла.

— Это ничего!—сказалъ Король съ видомъ величайшаго

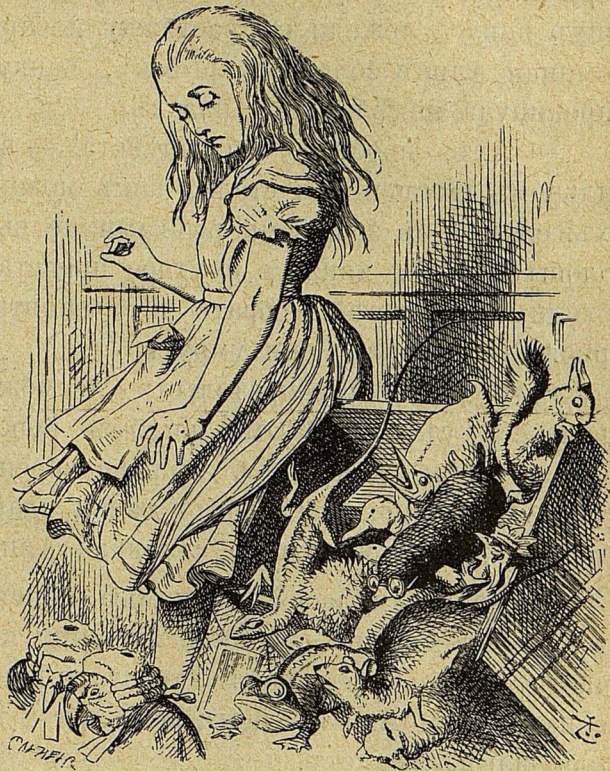
облегченія.—Позовите слѣдующаго свидѣтеля.—И онъ прибавилъ, понизивъ голосъ и обращаясь къ Королевѣ:

— Дорогая, слѣдующаго свидѣтеля *ты* подвергнешь перекрестному допросу. У меня отъ всего этого страшно разбалывается голова.

Алиса наблюдала за Бѣлымъ Кроликомъ, рывшимся въ спискахъ, и ей было очень любопытно, кто окажется слѣдующимъ свидѣтелемъ.

— Пока еще нельзя сказать чтобы они собрали много свидѣтельскихъ показаній,—разсуждала она сама съ собою.

Представьте же себѣ ея удивленіе, когда Бѣлый Кроликъ произнесъ во весь свой пронзительный голосокъ имя: „Алиса!“

— Здѣсь,—крикнула Алиса, вскочивъ съ такой поспѣшностью, что опрокинула скамью присяжныхъ.

ГЛАВА XII.

Показаніе Алисы.

Здѣсь!—крикнула Алиса, совсѣмъ забывъ среди всеобщаго шума и суматохи, какой большой она выросла за

послѣднія нѣсколько минутъ, и, вскочивъ съ такой поспѣшностью, что опрокинула скамью присяжныхъ краемъ своего передника. Всѣ присяжные кувырнулись на головы сидѣвшихъ внизу, лежали въ растяжку и барахтались, очень напоминая Алисъ золотыхъ рыбокъ, банку съ которыми она опрокинула недѣлю тому назадъ.

— Ахъ, простите, пожалуйста! — воскликнула она въ сильномъ смущеніи и стала, какъ можно скорѣе, подбирать ихъ: случай съ золотыми рыбками не выходилъ у нея изъ головы и у нея явилось смутное представленіе, что ихъ необходимо поскорѣй собрать и посадить назадъ на скамью присяжныхъ, иначе они умрутъ.

— Судебное разбирательство не можетъ продолжаться, — произнесъ съ серьезнымъ видомъ Король, — до тѣхъ поръ, пока всѣ присяжные не будутъ водворены на свои прежнія мѣста... *встѣ*, — повторилъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ и при этомъ строго глядя на Алису.

Алиса оглянулась на скамью присяжныхъ и увидала, что, второпяхъ, она посадила ящерицу внизъ головою, и несчастное маленькое существо тоскливо повиливало хвостикомъ, не имѣя возможности двигаться. Алиса подняла его и посадила, какъ слѣдуетъ.

„Хотя это не имѣетъ особеннаго значенія“, подумала она, „мнѣ кажется, что эта ящерица равно бесполезна для суда, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ положеніи“.

Какъ только присяжные немного оправились отъ своего неожиданнаго кувырканья, и доски ихъ и грифеля были найдены и вручены имъ, они очень ревностно принялись за работу, составляя протоколъ несчастнаго случая, которому только что подверглись.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отъ кохторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятыя рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворяеть не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р. къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовый марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

4-й годъ
изданія

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

К. Бальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Л. Вѣльскій, О. Вѣльяевская, Л. Василевскій, Э. Венгерова, А. Веремниковъ, Е. Волочкова, И. Гинцбургъ, Э. Гиппиусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, Е. Ивановъ, А. Коваленская, И. Кондурушкинъ, С. Кондурушкинъ, проф. Н. Коляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, Н. Манасеина, Д. Мережковский, В. Малахіева-Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Насѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Э. Пименова, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, М. Сабашникова, К. Соколовъ, Ф. Сологубъ, П. Соловьева, (Allegro), С. Соловьевъ, Евг. Соловьева, А. Н. Толстой (Мирза Тургенъ), В. Успенскій, Н. Шапиръ, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, Е. Юнге и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

Н. Биллибинъ, Т. Гиппиусъ, В. Замираило, Е. Кавось-Зарудная, Д. Кругликова, А. Линделанцъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Allegro), М. Сабашникова, Е. Чичагова-Россинская, Е. Юнге и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3 руб.**,
на полгода **2 руб.**, за границу **5 руб.**

Комплекты 1906 и 1907 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манасеина.*